

КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

HOUSE OF GUCCI

A SENSATIONAL STORY OF MURDER,
MADNESS, GLAMOUR, AND GREED

САРА ГЭЙ ФОРДЕН

ДОМ ГУЧЧИ

СЕНСАЦИОННАЯ
ИСТОРИЯ УБИЙСТВА,
БЕЗУМИЯ, ГЛАМУРА
И ЖАДНОСТИ

МОСКВА
2022

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
Ф79

Sara Gay Forden
THE HOUSE OF GUCCI:
A SENSATIONAL STORY OF MURDER,
MADNESS, GLAMOUR AND GREED

Copyright © 2001, 2000 by Sara Gay Forden.

Motion picture artwork © 2021 metro-goldwyn-mayer pictures inc.
all rights reserved.

Форден, Сара Гэй.

Ф79 Дом Гуччи. Сенсационная история убийства, безумия, гламура и жадности / Сара Гэй Форден ; [перевод с английского М. Э. Борисовой, М. С. Белолищева]. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-169415-9

Утром 27 марта 1995 года четыре выстрела прогремели на элегантных улицах Милана. Маурицио Гуччи, наследник легендарной модной династии, был убит на пороге своего офиса неизвестным киллером. Два года спустя начальник полиции Милана вошел в роскошный палаццо бывшей жены Маурицио, Патриции Реджани, которую пресса прозвала «Черной вдовой», и арестовал ее за убийство.

Патриция убила своего бывшего мужа, чтобы заполнить его состояние? Или сделала это из ревности к новой невесте? А может быть, Маурицио убил кто-то еще — из-за того, что он потерял контроль над модной империей и едва не разорил семейный бизнес?

История дома Гуччи — это головокружительное путешествие в мир высокой моды, блеска и гламура, больших денег — и таких же больших скандалов, интриг и личных трагедий. Тщательно проработанная, прекрасно написанная и получившая мировое признание, книга «Дом Гуччи» рассказывает волнующую историю убийства, безумия, гламура и жадности.

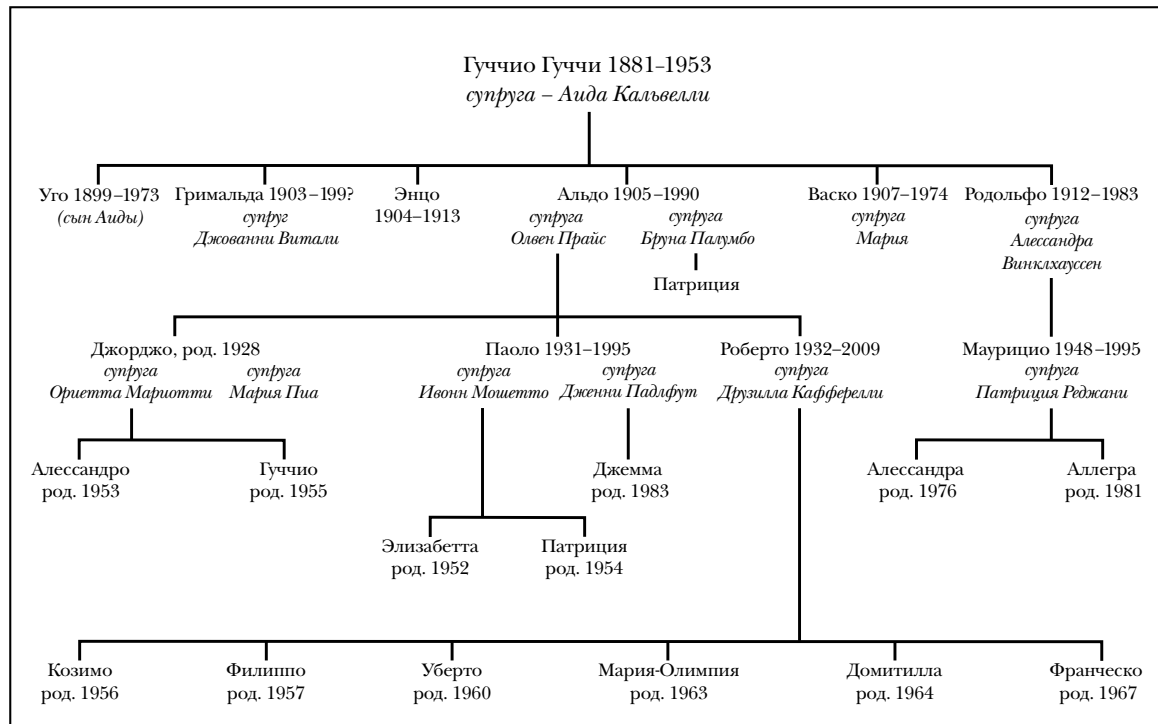
УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-169415-9

© Борисова М.Э., Белолищев М.С., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Джулии

Глава 1

ОДНА СМЕРТЬ

В половине девятого утра понедельника, 27 марта 1995 года, Джузеппе Онорато сметал листья с дорожки перед зданием, в котором работал. Тем утром он явился в восемь часов, как и каждый рабочий день, и его первой задачей было открыть две большие деревянные двери здания на Виа Палестро, 20. В четырехэтажном здании в стиле Ренессанс располагались квартиры и офисы, и находилось оно в одном из самых щегольских районов Милана. Через дорогу, среди высоких кедров и тополей, раскинулись ухоженные газоны и извилистые тропки Городского сада — оазиса зелени и спокойствия среди городского смога и толчеи.

За выходные теплый ветер прошелся по городу, расчистив извечное облако смога и сорвав с деревьев последнюю сухую листву. Тем утром Онорато обнаружил, что дорожка перед зданием усыпана листьями, и бросился подметать их, прежде чем люди начнут заходить и выходить. Военная подготовка внушила Онорато сильное чувство долга и стремление к порядку, хотя и не сломила дух. В пятьдесят один год он был всегда опрятно одет и ухожен, аккуратно стриг свои белые усы и редяющие короткие волосы. Он приехал из Кастельдачча на север, как многие сицилийцы, в поисках работы и новой жизни. Отслужив четырнадцать лет в младшем командном составе, Онорато ушел в отставку в 1980 году и решил осесть в Милане, где несколько лет занимался случайными подработками. Швейцаром на Виа Палестро он

устроился в 1989 году и теперь ездил на работу из северо-западной части города, где находилась их с женой квартира, на небольшом мотороллере. Это был спокойный человек с ясными синими глазами и приятной застенчивой улыбкой, и дорожку перед зданием он держал в безупречном порядке. Шесть отполированных до блеска ступеней из красного гранита, к которым вел внушительный парадный вход, сверкающие стеклянные двери и сияющий каменный пол фойе — во всем отражалось усердие Онорато. В глубине фойе у него была маленькая застекленная кабинка со столом и стулом, но он редко там находился: предпочитал все время трудиться. В Милане он никогда не чувствовал себя спокойно: город давал ему работу, но почти ничего больше. Онорато ощущал на себе предвзятость, которую жители севера испытывали к *meridionali*, то есть южанам, и одного взгляда хватало, чтобы его задеть. Он не вступал в споры и подчинялся вышестоящим, как его научили в армии, но головы никогда не склонял. «Я ничем не хуже других, — считал Онорато, — даже богатых или из влиятельных семей».

Подметая дорожку, Онорато поднял взгляд и заметил прохожего на другой стороне улицы. Он уже видел этого человека с утра, когда открывал парадные двери. Тот стоял возле маленькой зеленой машины, припаркованной поперек улицы, лицом к Городскому саду, напротив здания, где работал Онорато. Обычно машины выстраивались рядами на обочине Виа Палестро — улицы, на которой оставалась одна из последних бесплатных парковок в центре Милана. Машины здесь парковались под углом и лицом к обочине. Время было раннее, других автомобилей еще не было. Внимание Онорато привлек номерной знак: он болтался почти у самой земли.

«Интересно, — подумалось Онорато, — что этот человек делает здесь так рано?»

Чисто выбритый и одетый в приличное светло-коричневое пальто, мужчина все время смотрел в сторону Корсо

Венеция¹, будто ждал кого-то. Рассеянно пригладив собственную редеющую шевелюру, Онорато не без зависти отметил густые волосы незнакомца, темные и волнистые.

С тех пор как в июле 1993 года на их улице взорвалась бомба, приходилось быть начеку. Взрыв машины, напичканной динамитом, потряс город, забрав жизни пяти человек и оставив от Павильона современного искусства лишь пыль, цемент и стальные балки. Тем же вечером еще один взрыв прогремел в Риме и ударил по Сан-Джорджо-ин-Велабро, базилике в историческом центре города. Позднее выяснилось, что эти взрывы связаны с еще одним, более ранним, произошедшим во Флоренции, на Виа деи Джеоргофили: тогда тоже были убиты пять человек и еще тридцать — ранены. Кроме того, взрыв уничтожил несколько десятков произведений искусства, которые хранились в здании. Это происшествие оказалось связано с главой сицилийской мафии, Сальваторе Риина по прозвищу Тотто, которого незадолго до того арестовали за убийство Джованни Фальконе, главного следователя по делам мафии. Риина приказал подорвать несколько ценнейших культурных памятников в Италии, чтобы расквитаться за свой арест. В итоге его осудили и за убийство Фальконе, и за взрывы; сейчас он отбывает два пожизненных заключения. DIGOS, оперативная полиция Италии по противодействию терроризму, опросила всех *portinai*, то есть портье, в Виа Палестро. Онорато сказал им, что в тот день видел подозрительный фургон у ворот парка. С тех пор он держал в своей кабинке блокнот и делал записи обо всем, что замечал необычного.

— Мы ведь глаза и уши квартала, — говорил он своему сослуживцу, который часто заходил на чашку кофе. — Мы знаем всех прохожих, это наша работа — наблюдать.

---

¹ Одна из центральных улиц Милана, проходит сквозь Квартал моды. На улице расположены бутики известных домов высокой моды, а также дворцы, парки, особняки. (*Здесь и далее — прим. ред., если не указано иное.*)

Онорато развернулся и потянул на себя правую створку дверей, чтобы смести из-за нее последние листья. Зайдя за полуоткрытую створку, он услышал, как кто-то быстро прошагал по лестнице, а затем знакомый голос окликнул его:

— *Buongiorno!*¹

Обернувшись, Онорато увидел, как Маурицио Гуччи, владелец офисов на первом этаже, с неизменной бодростью взлетает по лестнице, взмахнув лапами пальто.

— *Buongiorno, Dottore*², — улыбнулся Онорато в ответ и приветственно поднял руку.

Он знал, что Маурицио Гуччи принадлежит к знаменитой флорентийской семье, основавшей компанию по торговле предметами роскоши под своим именем. В Италии имя Гуччи всегда связывали с изяществом и стилем. Итальянцы гордились своей творческой натурой и многовековым мастерством, и имя Гуччи, наряду с Феррагамо и Булгари, неизменно означало качество и искусную работу. Кроме того, именно Италия подарила миру величайших дизайнеров, таких как Джорджо Армани и Джанни Версаче, — но фамилия Гуччи была известна уже много поколений, задолго до того, как родились эти знаменитые люди. Маурицио был последним из рода Гуччи, управлявшим семейным делом: двумя годами ранее он продал бизнес своим финансовым партнерам, которые планировали вывести фирму Гуччи на биржу. Оставив дело семьи позади, весной 1994 года Маурицио открыл собственную контору на Виа Палестро.

Жил Гуччи неподалеку, в собственном палаццо на Корсо Венеция. На работу он каждое утро ходил пешком и появлялся примерно с восьми до полдевятого утра. Иногда

---

¹ Доброе утро! (*um.*)

² Доброе утро, доктор! (*um*); слово *dottore* в итальянском языке может служить обращением к любому человеку с высшим образованием.

он отпирал входные двери своим ключом и поднимался наверх еще до того, как Онорато открывал тяжелые деревянные створки.

Онорато нередко воображал себе, каково это — быть Гуччи. Маурицио был богатым и привлекательным молодым человеком, и возлюбленная его была красавицей: высокой, стройной блондинкой. Она помогала Гуччи обставить офисы на первом этаже (в Европе так принято называть второй) антикварной китайской экзотикой, диванами и креслами в щегольской обивке, цветистым текстилем и дорогими картинами. Она часто навещала Гуччи во время обеда — в костюмах от Шанель и с безупречно уложенными белокурыми локонами. Эти двое казались Онорато идеальной парой с идеальной жизнью.

Стоило Маурицио Гуччи дойти до верхней ступеньки и шагнуть в фойе, как Онорато увидел в дверном проеме темноволосого мужчину. Этот человек поджидал Гуччи, осенило его. Почему только он остановился у подножия лестницы, там, где заканчивался широкий коричневый ковер и начиналась дорожка из серой ткани, закрепленная на каждой ступени медными рейками? Гуччи не заметил, как незнакомец остановился за его спиной; тот не окликнул его.

На глазах у Онорато мужчина распахнул пальто и выхватил пистолет. Он выпрямил руку, направляя дуло в спину Гуччи, и начал стрелять. Онорато стоял всего в паре шагов от него — неподвижно, с метлой в руках. Потрясенный, он был не в силах остановить нападавшего.

Прогремели три быстрых глухих выстрела, один за другим.

Окаменев от ужаса, Онорато мог лишь смотреть. Он видел, как первая пуля пробила пальто Гуччи над правым бедром. Вторая вошла прямо под левое плечо. Онорато заметил, как всякий раз в клочья разлеталась верблюжья ткань пальто Гуччи в том месте, куда в нее попадали пули.

«В кино в людей стреляют совсем не так», — подумалось Онорато.

Гуччи обернулся, пораженный, и непонимающе взглянул на стрелявшего, явно не узнавая его, а затем уставился прямо на Онорато, точно спрашивая его: «Что происходит? За что? Почему я?»

Третья пуля задела его правую руку.

Гуччи со стоном сполз на пол, и убийца всадил последнюю, фатальную пулю ему в правый висок. Взглянув на пистолет, Онорато увидел на стволе длинный глушитель. Посмотрел на руку, сжимавшую оружие, — на длинные, холеные пальцы, на ухоженные ногти.

Мгновение, которое показалось вечностью, Онорато смотрел убийце в глаза. А затем услышал собственный голос:

— Не-е-ет! — вскрикнул он, отпрянув и вскинув левую руку, точно пытаясь сказать: «Я тут ни при чем!»

Убийца дважды выстрелил прямо в Онорато, а затем развернулся и бросился за дверь. Онорато услышал звон — это звякнули о пол гильзы.

«Поверить не могу! — подумал он. — Боли совсем не чувствую. Я и не знал, что это не больно, когда в тебя стреляют. — Ему стало интересно, больно ли было Гуччи. — Значит, так все и кончится. Значит, я умру. Жалко, конечно, что вот так. Это же нечестно».

Затем он понял, что так и остался стоять. Взглянул на свою левую руку: та странно свисала, и с рукава капала кровь. Онорато медленно опустился на гранитную ступень лестницы.

«Хотя бы не упал», — сказал он про себя и мысленно приготовился умереть. Подумал о своей жене, о днях службы, о виде на море и на горы из Кастельдачча. Лишь потом он понял, что всего лишь ранен: оба выстрела попали в руку, и смерть ему не грозила, — и его накрыло волной счастья. Он обернулся взглянуть на безжизненное

тело Маурицио Гуччи. Труп лежал на самом верху лестницы в луже крови: в падении он вытянулся на правом боку, голова легла на руку. Онорато попытался позвать на помощь, но открыл рот и сам себя не услышал.

Пару минут спустя послышалась нарастающая сирена. Вскоре вой оборвался, и перед Виа Палестро, 20 с визгом затормозила полицейская машина. Из машины выскочили четверо карабинеров в форме, все с оружием в руках.

— Это был человек с пистолетом, — бессильно простонал Онорато с первой ступеньки, и полицейские кинулись к нему.

Глава 2

ДИНАСТИЯ ГУЧЧИ

Кровь ярко-красными брызгами в духе Джексона Поллока расписала двери и белые стены по обе стороны от входа, у которого лежал Маурицио. Гильзы россыпью валялись на полу. Владелец киоска через дорогу, в Городском саду, услышал крик Онорато и тут же вызвал карабинеров.

— Это *Dottor* Гуччи, — сказал им Онорато, указывая здоровой рукой наверх, где лежал неподвижный труп Маурицио, безвольно свесив левую руку. — Он мертв?

Один из карабинеров присел возле тела убитого и прижал пальцы к его шее; не почувствовав пульса, он кивнул. Адвокат Маурицио, Фабио Франкини, прибывший на назначенную встречу минутами ранее, с несчастным видом съезжился на холодном полу возле тела клиента и просидел так четыре часа, пока вокруг работали сотрудники правоохранительных органов и «Скорой помощи». С прибытием «Скорой» и полицейского подкрепления перед зданием начала собираться толпа зевак. Врачи сразу позаботились об Онорато, поскорее забрав его в карету «Скорой помощи», прежде чем на месте совершения

преступления появилась следственная группа. За осмотр тела Маурицио взялся капрал Джанкарло Тольятти, высокий и худой блондин с двадцатилетним опытом службы в убийном отделе. В последние несколько лет Тольятти в основном занимался расследованием убийств, связанных с враждующими кланами албанских иммигрантов в Милане. Это было его первое дело в кругах городской элиты: не каждый день в центре города хладнокровно убивают крупного бизнесмена.

— Кто убитый? — спросил Тольятти, склоняясь к труп.

— Это Маурицио Гуччи, — ответил ему один из коллег. Тольятти поднял глаза и насмешливо улыбнулся.

— Ну да, а я Валентино, — съязвил он, вспомнив о вечно загорелом темноволосом модельере из Рима.

Имя Гуччи всегда ассоциировалось у него с флорентийским торговым домом, который занимался кожаными изделиями. Откуда взяться Гуччи в миланской конторе?

— Для меня это был просто труп, самый обыкновенный, — впоследствии заявлял Тольятти.

Он осторожно вынул забрызганные кровью газетные вырезки из безжизненной руки Маурицио, снял с него часы от Тиффани; они еще тикали. Пока он аккуратно изучал содержимое карманов убитого, явился прокурор Милана Карло Ночерино. На месте преступления царил сумятица: журналисты и операторы теснили и врачей, и карабинеров, и полицию. В Италии работают три вида правоохранительных органов: карабинеры, полиция и *guardia di finanzia*, или налоговая полиция. Боясь, как бы в суматохе не пострадали важные улики, Ночерино спросил, кто первым прибыл на место убийства. Таково одно из главных неписаных правил итальянской полицейской системы: та группа, которая первой явилась на место преступления, и занимается этим делом. Узнав, что первыми прибыли карабинеры, Ночерино быстро отпустил полицию и распорядился закрыть парадные двери в фойе,

а тротуар перед входом оцепить, чтобы не подпускать прибывающую толпу. Затем он поднялся по лестнице к Тольятти, который осматривал тело Маурицио Гуччи.

Ночерино и следователи заметили, что из-за выстрела в висок убийство Маурицио выглядело как казнь в духе мафии. Кожа и волосы вокруг раны обгорели, что говорило о стрельбе с близкого расстояния.

— Здесь поработал профессиональный киллер, — сказал Ночерино, осмотрев рану, а затем пол, на котором следственная группа уже обвела мелом шесть гильз.

— Старый добрый *colpo di grazia*¹, — согласился капитан Антонелло Буччоль, коллега Тольятти. И все же они были озадачены. Слишком много выстрелов, целых два живых свидетеля: Онорато и девушка, которая чуть не столкнулась с убийцей в дверях, — не похоже на работу профессионала, который наносит «удар милосердия».

На осмотр тела Маурицио у Тольятти ушло еще полтора часа, а на то, чтобы узнать все подробности его жизни, — целых три года.

— Мы почти ничего не знали о Маурицио Гуччи, — позже говорил он. — Нам нужно было взять в руки его судьбу и открыть, точно книгу.

Чтобы понять Маурицио Гуччи и его происхождение, нужно понимать тосканский характер. Непохожие на дружелюбных эмигранцев, аскетичных ломбардцев и эксцентричных римлян, тосканцы часто бывают заносчивыми индивидуалистами. Они чувствуют, что представляют источник культуры и искусства всей Италии, и предмет их особой гордости является влияние на современный итальянский язык, в чем они многим обязаны Данте Алигьери. Их иногда называют «итальянскими французами»: высокомерными, самодостаточными и закрытыми от

---

¹ Выстрел из милосердия, добивающий выстрел.